

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
МОСКОВСКАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

КУДА ИДЕТ РОССИЯ ?..

АЛЬТЕРНАТИВЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ

II

*Международный симпозиум
15-18 декабря 1994 г.*

Общая редакция
Т.И. Заславской

АСПЕКТ ПРЕСС

МОСКВА
1995

Реплика

Выступление Н.М.Римашевской побудило меня выступить с этой репликой, имеющей, как мне кажется, общеметодологическое значение. Я уже высказывался здесь о том, что высокая цена, которую сейчас платит наше общество, — следствие не столько реформ, сколько затяжного, по крайней мере, тридцатилетнего, кризиса. Когда речь идет об экономической ситуации в стране, то здесь еще могут быть сомнения, это — не моя область. Когда же речь идет о демографической ситуации, которой я занимаюсь постоянно, я могу утверждать это более уверенно. Хотелось бы передать эту уверенность и вам.

Вот, может быть, наиболее характерная таблица.

Показатели смертности в России и некоторых западных странах (на 1000 человек)

Таблица 1

Страны	Годы		
	1970	1980	1993
Россия	23	22	20
Австрия	26	14	7
Германия	24	13	6
Греция	30	18	8
Испания	28	12	8
Италия	30	15	7
Португалия	56	24	13

В 1970 г. российский показатель — лучший среди всех приведенных в таблице стран. Скорее всего, наше тогдашнее положение было несколько приукрашено официальной статистикой, но порядок величин был тем же, что и в других странах. К 1993 г. и даже к 1980 все страны совершили скачок и намного обогнали Россию, которая практически осталась там, где была. В последние два года младенческая смертность в России действительно несколько повысилась, но не в сравнении с "дореформенным" уровнем, более высоким, чем сейчас, а по сравнению с уровнем 1990 г. Можно ли винить в этом реформы? Ведь они идут уже десять лет, и большую часть этого периода динамика была благоприятной.

Теперь об общей смертности. Она растет, особенно тревожно в последние год-два. До тех пор, как и в случае с младенческой смертностью, происходил возврат к "дореформенному" уровню — очень высокому и не снижавшемуся с середины 60-х годов. Во всем мире он снижался, у нас — нет. Хотите называйте это застоєм, хотите — кризисом, но это длится уже 30 лет.

Таблица 2
Вклад болезней системы кровообращения и несчастных случаев в изменения средней продолжительности жизни (лет)

Годы	Мужчины			Женщины		
	Всего	В том числе из-за		Всего	В том числе из-за	
		болезней системы кровообращения	несчастных случаев		болезней системы кровообращения	несчастных случаев
1970—1980	-1,66	-1,05	-0,79	-0,38	0,64	-0,30
1980—1982	0,89	0,21	0,30	0,73	0,33	0,10
1982—1984	-0,57	-0,33	-0,05	-0,71	0,54	-0,06
1984—1987	3,16	0,68	1,76	1,32	0,50	0,46
1987—1991	-1,42	-0,11	-1,32	-0,03	0,38	-0,31
1992	-1,44	-0,23	-0,84	-0,53	-0,15	-0,25
1993	-3,06	-1,09	-1,29	-1,81	-0,94	-0,49

Н.М.Римашевская связывает рост смертности с тем, что реформы разрушили здравоохранение. Не хочу говорить ничего хорошего о реформах, еще меньше мне хочется хвалить наше здравоохранение. Но, по-моему, его деградация началась очень давно, это один из элементов затяжного кризиса, о котором я говорил. Тем не менее свалить на него ответственность за рост смертности последних лет не так просто. Дело в том, что основной элемент роста смертности — это от так называемых "неестественных причин" — несчастные случаи, отравления и травмы (для краткости — "несчастные случаи"), здравоохранение может участвовать в борьбе с этими причинами, но его роль здесь не главная. Да и в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, вторым важнейшим компонентом роста смертности, его возможности ограничены.

Конечно, трудно отрицать связь новейшего подъема смертности от несчастных случаев и болезни сердца с кризисными явлениями в обществе, да никто и не собирается этого делать. Но все-таки, если мы хотим лечить общество, то диагноз надо ставить правильный, он должен быть основан на фактах. Казалось бы, естественно ожидать в наше трудное время значительного роста самоубийств — и Н.М.Римашевская сказала, что их число быстро растет. Но это верно только наполовину. Статистика говорит о том, что как раз число самоубийств в расчете на 100 тыс. жителей России растет сравнительно умеренными темпами и в прошлом году еще не достигло уровня первой половины 80-х годов (вторая их половина ознаменовалась снижением числа самоубийств, после чего начался его новый рост). А вот что действительно стремительно растет, так это смертность от убийств и дорожно-транспортных происшествий. Я не знаю, куда наша статистика относит смерть человека, сгоревшего в танке, — к убийствам или к дорожно-транспортным происшествиям, но понимаю, что такая смерть ухудшает показатели смертности, хотя необязательно связана с разрушением здравоохранения или неудачной схемой приватизации.

Все ругают реформы, и я их браню, и хочется во всем видеть подтверждение собственному критицизму, но это не всегда получается. Цифры нередко противоречат впечатлениям. А в демографии еще надо и уметь обращаться с цифрами. В частности, анализ смертности — довольно сложная вещь, "сырые" цифры, которыми у нас широко оперируют, способны очень сильно исказить истинную картину.

В.Л. Каганский,
Институт национальной модели экономики

Россия как ситуация исследования и понимания

В этом выступлении я кратко сформулирую впечатления от конференции, видимо, репрезентативной для современного "россиеведения постСССР" (в обоих смыслах), и попытаюсь обратиться к методологическим и историософским урокам; разумеется, в плане преимущественно вопрошения, но не конечного ответа.

Ситуация исследования. Дам образ исследовательского дискурса, представленного нашей конференцией. Собственно научно-академический дискурс не удерживался в своих границах, переполняясь как реакциями и рефлексиями текущей ситуации и политики, так и экзистенциальными прочувствованиями судеб личности, государства, эпохи и т.д. Deskриптивное перетекало в нормативное. Анализ ситуации на уровне объективной детерминации имплицитно (и даже эксплицитно) прерывался традиционными вопрошениями (что делать? кто виноват? как вернуться на правильный путь?). Постоянное нахождение в некоторой пограничной позиции, уходы и возвращения в близкие и очень далекие смысловые области был дискурсивным обиходом. Коммуникация строилась, скорее, на обращении к универсальным символам и самой действительности, нежели к структурированным знаниям о ней (что есть канон для профессионализированного научного дискурса). Очень значимую роль играли символы, причем сами позитивно исследуемые феномены нередко символизировались* и, как таковые, универсализировались.

Границы предметных областей и(или) смысловых регионов нерелективно проблематизировались самим строем обсуждения. Предметный материк Россия не удавалось расчленивать на страны "экономика", "социология", "культурология", "политология", "-логия". Междисциплинарность более чем достигалась — она впитала и поглотила дисциплинарность. Теоретические концепты и наборы эмпирических фактов были внутренне смешаны, как были неотчленимы экспертные оценки и концептуальные объективированные построения.

Высказанные суждения, как и их предмет, не должны пониматься в модусе оценки. Такова исследовательская ситуация, как она ныне есть. Попытаюсь высказать несколько тезисных суждений, объясняющих, по-моему, ее закономерный характер.

Во-первых, спонтанно преодолеваемая тотальность советского общества-государства пока сохраняет его основную структурную

* Статус символов (а значит — огромную потенциальную смысловую глубину, многозначность, амбивалентность) приобрели понятия "демократия", "кризис", "модернизация", "политика", "реформа", "суверенитет" и мн. др.